

ДИАЛЕКТИКА ДУШИ КАК ДИАЛЕКТИКА БОРЬБЫ ЗА КОММУНИЗМ

*(Из наблюдений над художественным своеобразием
русского советского романа
второй половины 50-х гг.)*

П. ИВИНСКИЙ

Под определением «диалектика души как диалектика борьбы за коммунизм» понимается изображение внутренней работы мысли и чувств героя, создающего коммунизм. Эта форма раскрытия духовного мира персонажей не является новой в советской литературе. Она разработана Горьким и использовалась другими советскими писателями¹. В настоящей статье делается попытка установить объективную обусловленность использования данного вида психологического анализа в ряде романов о людях труда второй половины 50-х годов, преимущественно в связи с анализом книги Г. Николаевой «Битва в пути».

Прежде всего обратим внимание на заметно возросший интерес романистов к передаче духовной активности современника и — как следствие — к художественным средствам раскрытия действенного сознания, в особенности же к внутреннему монологу.

Сравним два образа: Георгия Беридзе из произведения В. Ажаева «Далеко от Москвы» и Дмитрия Бахирева из романа Г. Николаевой. Между персонажами много общего. Оба они — главные инженеры крупных производств, оба обладают незаурядными способностями и большим опытом работы, оба, наконец, поставлены в сходные ситуации: Беридзе должен разработать новый проект трассы нефтепровода, Бахирев — перестроить на прогрессивных началах тракторный завод. Посмотрим, как же авторы передают поиски героями новых технических решений.

«Мысль о перенесении трассы пришла не случайно, не по наитию свыше. Еще в Москве, принимая новое назначение, он понял: успех дела будет зависеть от того, найдутся ли способы сжать время в три раза. С тех пор он думал только об этом. Как десятки раз раньше, перед ним стояла задача: обязательно найти выход. Беридзе хорошо знал Адун не по картам, а по изысканиям, в которых участвовал несколько лет назад. Его сразу поразило, что для укладки нефтепровода был выбран невыгодный со многих точек зрения правый берег. Вместе с Алексеем он немедленно поднялся на самолете в воздух, чтобы сверху прикинуть преимущества левого берега. Он внимательнейшим образом изучил черно-

«С факелами только половина опок... Значит жди брака... — думал Бахирев. — Ковши красные... Плохая обмозка! Воздуходувка гудит рывками. Куда ни глянь, все не то... Но как сделать, чтоб стало «то»? Не знаю. Главный должен знать завод, как малый знает мамкину титьку... Посмотреть, что там с опоками?»

Он спустился и пошел узким пролетом цеха. Сосредоточенный на своих мыслях, он не заметил, как автокаришца едва не налетела на него, не услышал, как она пожаловалась:

— Загородит весь пролет и едва топают... Бегамот хохлатый!

Он пошел вдоль конвейера. Опоки требовали замены. По одним и тем же

¹ См. об этом выводы Л. И. Тимофеева в книге «Проблемы теории литературы», 1955, стр. 222.

вые материалы старого проекта и убедился: левобережный вариант трассы предлагался изыскателями, но был отвергнут Грубским, так как участки левого берега затапливались во время паводка.

...Новый главный инженер не привык слепо доверяться даже самым уважаемым авторитетам. Отвергнутый Грубским вариант трассы слишком многое обещал, чтобы от него столь легко отмахнуться. Беридзе хотел убедиться лично, действительно ли велика опасность затопления левого берега. И на тот случай, если эта опасность оказалась бы реальной, Георгий Давыдович заранее решил поставить под сомнение и самый запрет строить нефтепровод в затапливаемых местах. Никто, даже Алексей, не догадывался, ценой каких напряженных раздумий далось решение о новом направлении трассы на материке... Запершись, проводил многие часы в кабинете... Дома ночами он бесшумно расхаживал по комнате или неподвижно лежал на диване, выставив торчком бородку. Трубка его непрерывно дымилась, и воздух в помещении становился туманно-зеленым»².

конвейерам шло то малое, то среднее литье. В неумолчном грохоте и чаде ручной выбивки литье путалось, на обрубку в другой конец цеха транспортировалось, петляя через весь цех. «Перепланировать, расширить весь цех,—думал Бахирев.—А пока? А пока, как минимум, еще один конвейер для мелкого литья, механическая выбивка, правильная подача деталей»³.

Или:

«...Министерство отпускало средства на строительство двух цехов. На заводском дворе не было места. Снести старые цехи? Но если завод отдаст производство дизелей, освободятся большие площади. Центральные цехи стояли тремя рядами. Если соединить торцы этих рядов? В плане они получат форму буквы «Ш» — три параллели, соединенные с одного края четвертой, поперечной полосой. Средства, данные на строительство двух цехов, употребить на реконструкцию всего завода. Соединить три основных корпуса четвертым, провести подземные и воздушные конвейеры» (23, 101).

Как видим, и Ажаев и Николаева хотят показать сложность и напряженность творческих усилий героев. Но, если Ажаев, декларируя, что «главным в инженерной деятельности Беридзе... были его поиски выхода из разных критических положений и нахождения этого выхода»⁴, пытается сделать это с помощью средств «внешнего» авторского переказа и изображения, то Николаева стремится передать психологию творчества как непосредственно внутренний, «самодвижущийся» процесс, широко используя при этом возможности внутреннего монолога.

Наблюдаемое различие нельзя объяснить только индивидуальным своеобразием каждого из писателей. Сопоставление других романов о современниках конца 40-х—начала 50-х годов с рядом произведений этого жанра интересующего нас периода (скажем, «Большого искусства» Ф. Панферова с его же «Раздумьем», «Водителей» А. Рыбакова с «После свадьбы» Д. Гранина) дает аналогичные результаты. Справедливо писала критик А. Шишкина в статье «О психологическом анализе в послевоенной прозе»: «Концепции раскрытия духовного мира героев становятся все менее емкими, внутренние монологи перестали быть ведущим принципом показа психологии...»⁵ Четкость разграничения усиливается, кроме того, резким изменением оценочной принадлежности внутреннего монолога: в таких известных книгах послевоенного десятилетия, как «Далеко от Москвы», «Белая береза», «Водители», он служил для раскрытия внутреннего мира главным образом отрицательных персонажей; в «Битве в пути», «Раздумье», «После свадьбы», наоборот, внутренний монолог становится основным средством обнаружения духовной содержательности положительных героев и весьма редко употребляется для психологической характеристики отрицательных.

² Василий Ажаев, Далеко от Москвы, Госполитиздат, М., 1952, стр. 88—89.

³ Галина Николаева, Битва в пути, Роман-газета, 1958, № 21, стр. 31—32. В дальнейшем сноски текста указаны в скобках: № роман-газеты и страница.

⁴ Там же, стр. 88.

⁵ «Звезда», 1955, № 2, стр. 163.

Объяснение следует искать прежде всего в различной трактовке положительности советского характера, объективно определяемой каждый раз той исторической ступенькой, которую проходит в своем поступательном развитии наш человек, и теми общественными задачами, которые в тот или иной период жизни приходится ему решать.

В. Ажаев рассказывал о суровых годах войны, когда в людях на первый план выдвинулись такие типические черты, как непоколебимая воля, решительность, стремительность действия. Избранный писателем сюжет — строительство в труднейших условиях и в кратчайшие сроки государственно важного нефтепровода — позволял показать, как проявлялись эти качества нашего человека не только на фронтах, но и «далеко от Москвы», в глубоком тылу. Раскрытие же внутренней работы инженеров Беридзе и Ковшова, равно как и начальника стройки Батманова, не являясь главной целью автора, не нашло полноценного художественного воплощения. «Производственный роман» 30-х годов не накопил еще достаточного опыта. Сказалась неподготовленность самого Ажаева. Сыграли также отрицательное значение не изжитые еще в то время неверные представления о якобы нерушимой связи классических приемов психологического анализа, в том числе и развернутого внутреннего монолога, с изображением раздвоенной, рефлексирующей личности. Последним отчасти объясняется более развернутое и мастерское раскрытие внутреннего мира отрицательных персонажей, чем положительных. Хотя главная причина кроется все в том же принципе подхода к вопросу — в наделении этих персонажей такими отрицательно трактуемыми качествами, которые как раз предполагали обращение к средствам внутренней характеристики: многоразумностью, кропотливостью, привычкой досконально изучать вопрос, колебаться в принятии окончательного решения (Тополев в «Далеко от Москвы», Корытов в «Счастье», Кокорев в «Большом искусстве»).

Об ином времени и иных людях писала Г. Николаева. В Бахиреве горит тот же священный огонь патриотизма и решимости всего себя отдать делу борьбы за коммунизм, но в новых исторических условиях эта общая основа советского характера требует проявления конкретно иных, чем в годы войны качеств. В соответствии с жизненной правдой писательница сталкивает своего героя с запутанностью и противоречивостью многих явлений действительности. Мы видим Бахирева в мартовскую ночь 1953 года, когда «все смешалось», и «мысли, одолевающие Дмитрия, были также изменчивы, то огромные, то малые, и так же неясны, неустойчивы...» «Многое смешалось в эту ночь. Величавое движение людских колонн в скорбной тишине зала и кровавая давка на площади... Белый юношеский лоб под копытом, и старик, который хотел примоститься зайчиком на заднем колесе... Продиктованный волей и сознанием путь народа в Колонный зал и движение, подобное стихийному движению опилок, притянутых силой магнита. Что искал народ у гроба? Что стремился отнять у небытия, что тшились люди постигнуть и что хотели увидеть? Смуглолицего человека с руками, крупными не по росту? Истину великой эпохи, воплощенную для них в том, с чьим именем жили и умирали? Мысли теснили и обгоняли друг друга» (21, 8). Жизнь ставит перед Бахиревым все новые и новые вопросы. Приехав на завод, он видит противоречия производства. Его радуют легкие очертания арок парадного входа и его тревожит запущенность ряда цехов; его до глубины души волнует зовущая речь Вальгана на траурном митинге и поражает «стонущий в полумраке голос: «Втулочка! Надо же ее выбивать!» (21, 13). «...Где же концы, где начала,— снова и снова мысленно перебирал Бахирев... Впечатления

были отрывисты, противоречивы и тревожны. Из смеси все яснее выступало все то же ощущение болезненности заводской жизни... Завод лежал перед Бахиревым как задача, которую необходимо решить» (21, 14). «Состояние неясности,— пишет Николаева о Бахиреве,— было для него самым угнетающим из всех возможных душевных состояний» (21, 3). Но путь преодоления этой неясности и проявления активности был только один: проанализировать положение, детально разобраться в сложностях и противоречиях. «Десятки раз твердил он себе несложную формулу своей новой судьбы: «Я не могу работать на таком заводе. Значит, я должен либо уйти с него, либо переделать его. Уйти нельзя, остается одно — переделать.— И десятки раз прерывал себя вопросом: — Но как я могу переделать то, чего я не знаю?» (21, 28). И мы видим, что, в сущности, все главы, посвященные деятельности Бахирева на заводе, представляют собой не что иное, как широко развернутые внутренние монологи, последовательно раскрывающие познание героем противоречий завода и поисков решений по их устранению. Весь немалый и разнообразный материал глав — люди, события, драматические эпизоды и пр. — воссоздаются большей частью лишь постольку, поскольку они могут служить пищей для внутренней работы героя. Не случайно поэтому эти главы, как правило, завершаются обобщенными внутренними монологами, в которых Бахирев наедине с собой подводит итоги виденному и принимает окончательное решение. Развитие сюжета, следовательно, определяется по преимуществу внутренними решениями героя.

Новая трактовка характера современника привела к иному распределению средств психологического анализа. Вальган, не понявший требований жизни, иронизирует над людьми, подобными Бахиреву: «Узнаю я вашу, терзаемую самоанализом душу» (22, 70). Сам же он лишен способности к аналитической деятельности, и поэтому художественные приемы для его внутренней и речевой характеристики избираются иные. Если при передаче нескладной, «дотошной», скупой речи Бахирева автор основное внимание уделяет донесению до читателя смысла, содержания его слов, тому, что он говорит, то при изображении Вальгана Николаева основное внимание уделяет форме, позе, жесту, тому, как он говорит. «Вальган на трибуне был, как всегда, победоносен... То подходя к рампе, то отступая от нее, он взмахами смуглых рук, поворотами шеи, всеми своими мягкими, пластическими движениями, всей игрой яркого лица как бы подчеркивал каждое слово, и Бахирев вновь и вновь удивлялся его способности обыкновенные, стертые повторением слова возрождать заново» (22, 83). Отрицательные персонажи — Вальган, Бликин, Вострухов, Беловодов — внутренне пассивны, статичны, окаменелы. Они мыслят категориями, порожденными культом личности: «Дать команду!», «Пора вокруг этого молодчика накалить обстановку», «спустить цифру», «никаких послаблений» и т. д. Таким образом, центральный конфликт «Битвы в пути» решается как проблема активного и пассивного сознания, средствами внутренней и речевой характеристики.

Художественные особенности романа Г. Николаевой во многом определены временем. В середине 50-х годов, когда исследование сложной, нередко запутанной и противоречивой жизни стало непременным условием успешного решения поставленных партией задач и когда сами эти задачи носили проблемный характер (например, экономические вопросы сельского хозяйства и промышленности), аналитическая умственная деятельность явилась специфической формой общественной активности советского человека. Это обязывало писателей раскрыть персонажей изнутри, показать самый процесс движения их мыслей и чувств.

Во многих произведениях тех лет — и не только в романе, но и в очерке, повести — герой выступает как человек, решающий важную государственную проблему, конфликт же предстает как столкновение действительного и пассивного сознания. Вот почему явления, которые мы наблюдали в книге Николаевой, прослеживаются в ряде других романов.

Если присмотреться к произведению Ф. Панферова, то можно увидеть, что оно почти сплошь состоит из обширных, большей частью в целую главу раздумий главного героя, движущиеся связи между которыми определяются развитием его мысли. Специальная заданность «Раздумья» на раскрытие именно процесса внутренней работы Акима Морева — отсюда и название книги — особенно наглядно видна в композиции: всё окружающее подается через восприятие стоящего в центре секретаря обкома, является предметом его осмысления. Многие события как непосредственные факты пропускаются и даются отраженными в его сознании. Таким построением, с одной стороны, укрупняются внутренние масштабы Морева, а с другой, — пространство романа психологизируется, и многоплановый жанр становится средством детального и многообразного раскрытия душевной жизни героя, строящего коммунизм.

В принципе аналогичное построение и широкое использование внутреннего монолога находим в романе Гранина «После свадьбы», особенно во второй и третьей частях. Основу духовной жизни возмужавшего Игоря Малютина Гринин формулирует так: «Существует на свете один героизм, героизм видеть мир таким, каким он есть, и делать его таким, каким он должен быть»⁶. Следует помнить и об особенностях книги: писатель не только и, пожалуй, не столько показывает, как герой, внутренне перерабатывая внешние впечатления, переделывает окружающую действительность, сколько, — как под воздействием обстановки и участия в событиях переоценивает и изменяет самого себя; внутренний монолог в форме несобственно прямой речи чаще выступает как самоанализ героя, — но это уже тема отдельного разговора. Нам важно отметить ту общую с другими интересующими нас авторами особенность психологического мастерства Гранина, которая раскрывает направленность душевных сил героя на происходящую во внешнем мире борьбу.

Игорь Малютин, Аким Морев, Бахирев, Чернышев, Курганов твердо знают, что им надо делать, но не всегда знают, как надо делать. И в результате возникает поиск, волнение, борьба противоречий и т. д., — диалектика души, отражающая борьбу героев за коммунизм. Нетрудно заметить, например, что ищущая, нарастающая в своем напряжении мысль Бахирева направлена на решение больших практических задач. «Он измышлял свои планы... во имя действия» (22, 9). Вот почему и сложность жизни и трудности, которые испытывает Бахирев, анализируя ее противоречия, — всё это в конечном счете относительно. Абсолютной оказывается духовная активность героя, его способность к большому синтезу, за которым следует точное и решительное действие — разрядка бьющей через край энергии. Внутренние монологи Бахирева как бы наполнены тоской, трудно сдерживаемым нетерпением по действию, поэтому они особенно динамичны, постоянно скрывают в себе потенцию целеустремленных, иногда даже скоропалительных поступков (скажем, отдача приказа о перестройке цехов без предварительной подготовки).

Таким образом, заслуга романистов второй половины 50-х годов состоит в том, что они, отвечая на требования жизни и следуя лучшим традициям советской литературы, отражение работы мысли и души,

⁶ Д. Гринин, После свадьбы. — «Октябрь», 1958, № 8, стр. 73.

постигающих мир «в целях полного освоения его как своего хозяйства»⁷, сделали основным принципом характеристики героев.

В чем же своеобразие этой формы психологического анализа в интересующих нас произведениях?

Сделаем еще одно сопоставление, на этот раз ход мысли Бахирева сравним с внутренней работой инженера Андрея Лобанова — героя книги Д. Гранина «Искатели».

«У выхода они обогнули маленький строгальный станочек. Резец замер по середине пути, врезавшись в металл. Застигнутый в разгар работы, устремленный вперед, он был еще полон движения. Тонкий завиток стружки крутился у носика резца. Стружка, самая обыкновенная, в сиреневых отливах перекала, мокрая от мыльной воды, она косо торчала, скрученная в виток. Еще немного, еще последнее усилие — и деталь готова...»

Андрей остановился, положил руки на мокрую холодную станину. Технолог продолжал что-то радостно рассказывать.

— Подождите, пожалуйста, — умоляюще попросил Андрей.

Он отломил стружку. Острые кромки впились в кожу. Андрей потянул стружку за концы, они сжимались и разжимались, пружиня, они напоминали ему броню кабеля. Он растягивал стружку, пока она не сломалась; тогда он нагнулся и поднял целый ворох колючих стружек. Лицо Андрея слегка побледнело. Технолог смотрел на него с интересом.

...Открытие всегда наступает внезапно. За какие-то секунды мозг Андрея представил стружку в виде специальной обмотки, которую вот таким же способом можно растягивать, изменяя характеристику. Если подключить такую катушку, то искажения скомпенсируются; он мысленно прикинул по формулам, как все изменится, — и все, все стало поразительно простым и ясным.

Тут же, не выпуская из рук стружки, он принялся возбужденно объяснять технолог:

— Вы понимаете? Догадался! Вот здесь. Смешно! Как это просто. Если катушку включить в разрез... Верно? И постоянная времени уменьшится... Эр на це... А мы бились, бились...

Испуг, и радость, и недоверие горели в его глазах. Он говорил не умолкая»⁸.

«Шатров прав... Противовес вращается со скоростью двух тысяч шестисот оборотов в минуту. Что противодействует? Противодействуют силы инерции. Недостаточно учтены силы инерции в работающем дизеле.

Он сам вслушивался в свои слова...

— Развивающиеся силы инерции не приняты в расчет, и металл летит, как снаряд, металл рвется, как паутина.— Рославлев чувствовал, что Бахирев придает этим словам второй смысл.— Опасность не в том, что силы инерции чрезмерно велики,— раздельно и раздумчиво продолжал Бахирев.— Опасность в том, что их не взяли в расчет. Ты понимаешь? Если брать в расчет, то трудно их обезвредить, но если не брать их в расчет, они грозят бедствием. Мы сейчас стоим на пороге нового взлета. И если б меня спросили, что сейчас опаснее всего, я бы ответил: опаснее всего силы инерции, не принятые в расчет.

Еще не до конца ясная ему самому мысль расширялась. Стремление к большим обобщениям и точным формулировкам уводило далеко от противовесов. Социалистическая система открыла огромный простор производительным силам. Они растут с невиданной быстротой, а мы подчас не поспеваем за ними, и тогда рост их наталкивается на недоучтенные нами силы инерции, тянущиеся в формах организации и нередко в глубинах человеческих душ» (23, 2).

Читая пример из «Искателей», нельзя не отдать должное мастерству Гранина, сумевшему так впечатляюще нарисовать момент рождения идеи. Вместе с тем нельзя не признать, что изображение сугубо «технологично», мысль героя предстает в нем конкретной, но суженной, лишенной большой перспективы. Гранин, так же как и другие авторы «производственных романов» конца 40-х—начала 50-х годов — Г. Николаева

⁷ М. Горький, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 26, стр. 420.

⁸ Д. Гранин, Искатели, Госполитиздат, 1957, стр. 338.

в «Жатве», В. Кочетов в «Журбиных», А. Бек в «Жизни Бережкова», — многое сделали для убедительной передачи психологии производственного труда, технологического творчества. Но внутренний мир персонажей этих книг определяется по преимуществу той конкретной сферой производства, в которой они трудятся.

Мысль Бахирева, в характере которого органически соединились и «дотошность, и широта мысли» (22, 14) и который, по его собственным словам, живет «идеями технического первенства страны», осознает себя рядовым бойцом «за счастье двух с половиной миллионов живущих на земле людей» (22, 82), приобрела новое качество. Она постоянно движется от конкретного факта к более общему, всё глубже и шире захватывая в свою орбиту действительность, множество ее сторон, связей, отношений, аспектов, явлений, вопросов, проблем, фактов и т. д. Всё это очень сложно между собой связано, иногда перепутано и создает ту кажущуюся разбросанность бахиревских раздумий, в которой можно было бы усмотреть недостаток, если бы они не организовывались целенаправленным синтезом. Одновременно в своей речи и внутренних монологах Бахирев выступает именно как инженер. Техническая терминология выполняет индивидуализирующую роль и в то же время, наполняясь расширительным смыслом, служит для выражения далеких от производства идей.

Нетрудно заметить, что названные особенности свойственны также речи и внутренним монологам Акима Морева, Игоря Малютина и ряда других персонажей рассматриваемых книг. Мысли и чувства героев, оставаясь, так сказать, «профессиональными», переживая рядовые конкретные факты, поднимаются в то же время до больших обобщений, тяготеют к широким, нередко политическим, историческим и философским ассоциациям, наполняются глубоким драматизмом борьбы противоречий, столкновения мнений, снова, обогащенные, возвращаются к конкретному факту, глубоко проникая в самую его сущность и обнажая его связи с окружающим и т. д. Словом, перед нами психологический процесс, показывающий, как современник внутренне охватывает большие и малые события жизни и вырабатывает программу действий, направленную на решение практических задач коммунистического строительства, — «диалектика души как диалектика борьбы за коммунизм». Николаева, Панферов, Гранин, как и ряд других писателей второй половины 50-х годов, соединили высоту революционной мысли героев лучших произведений советской литературы прошлого, чего не хватало книгам о людях труда послевоенного периода, с достижениями авторов «производственных романов», много сделавших для раскрытия психологии творчества.

Данное наблюдение, разумеется, не представляло бы сколько-нибудь значительного интереса, если бы оно как бы изнутри не объясняло, почему горьковская «диалектика души как диалектика борьбы за коммунизм» впервые так широко и умело стала использоваться для передачи душевной энергии человека труда лишь в романах второй половины 50-х годов.

В «Искателях» Гранина, как писал М. Кузнецов, «в обрисовке психологии творчества преобладает логический рассказ над эмоциональной картиной», «нас зажигает, держит в напряжении по преимуществу ход мысли героя», «мир чувств и мир творчества расположен как бы на параллельных, нигде не пересекающихся орбитах»⁹. Это верно, но

⁹ М. Кузнецов, Пути современного романа. В сб.: Пути развития современного советского романа, М., 1961, стр. 37.

это уже следствие более существенного недочета. Приведенный выше отрывок, являющийся лучшим в «Искателях», страдает психологической эмпиричностью: в нем нет перспективного понимания мыслей и чувств героя, в нем отсутствует то подводное течение, которое, питаясь потоком внешних впечатлений, всегда организуется, направляется и развивается большими целями человека. Основная причина здесь кроется в том, что Гранину не удалось глубоко связать производственный конфликт с важными общественными проблемами времени. Иначе говоря, те элементы бесконфликтности, которые допустили Гранин в «Искателях», Николаева в «Жатве», Кочетов в «Журбиных», Панферов в «Большом искусстве», лишая героя большого действия, препятствовали изображению интенсивного «обмена чувствами» между ним и действительностью и вследствие этого не позволяли его внутренней жизни стать динамичной, всепоглощающей и саморазвивающейся. Но дело не только в указанных недостатках. Самый аспект подхода к трудовым темам и характеру труженика был несколько иным. Для Гранина в «Искателях» — как это ни парадоксально может показаться с первого взгляда — производственный материал не так уж принципиально и важен. Он лишь отправной момент для раскрытия главной нравственной проблемы — творческого и чиновничьего отношения к труду. И понятно, что писатель не был слишком озабочен раскрытием во всей конкретности изобретательских поисков Лобанова; во многих случаях достаточно было дать имитацию творческого процесса в виде впечатляющих, но лишенных внутреннего движения зарисовок.

Иное в романе Николаевой. Главное здесь — обнажение связей между политикой, историей, с одной стороны, и экономикой, производством, с другой. Бахирев должен разобраться именно в технической стороне вопроса, чтобы понять его социальную сторону, и наоборот, раздумывая над большим, обязывает его изучать малое. Амплитуда колебаний его мысли и чувств достаточно велика. Крайние точки психологической цепи, как в каждом из многих переживаний, так и в повествовании в целом, далеко отстоят друг от друга, и ее внутреннее наполнение образуется из ряда отдельных переходящих друг в друга со всё нарастающим драматизмом звеньев. В каждый отдельный момент мысль Бахирева стремится понять и решить главный вопрос, поставленный вначале, и не решив его, или не решив до конца, она устремляется дальше, сопутствуя и предвзято действие. Впечатления, запавшие в сознание Бахирева в мартовскую ночь (суровые колонны людей, плачущая траурная мелодия скрипки, выпуклый гипсовый лоб юноши с черной отметиной и др.), вместе с главным вопросом «Что будет дальше? Как сложится жизнь народа, идущего впереди?» будут повторяться в различных вариациях на протяжении всего хода романа, образуя ту «генерализацию» психологического процесса, которая подчинит себе весь остальной материал книги и которая образует ее внутренний сюжет. Двигаясь по этому сюжету от одного конкретного переживания Бахирева к другому, следуя по сложной цепи ассоциаций и сцеплений его мыслей и чувств, нетрудно почувствовать всё нарастающее психологическое напряжение, которое разрядится только в момент разрешения основного конфликта. После совещания в Кремле (глава «Доброе оружие») «Бахирев снова вспомнил ту ночь, когда ехал с Вальганом по этим улицам. Вспомнил смерть, реющую в воздухе, фосфоресцирующий туман, внезапную и странную пустоту вокруг Дома Союзов и ту струну, что дрожала и плакала в самой крови. Скорбь, смятение, неясность, неуверенность, тревога. Тот же путь! Но как далеко! Сейчас тоже тревога на душе, но не от неясности и неуверенности. Он тревожился от-

того, что чувствовал дыхание двух с половиной миллиардов людей и каждый свой замысел проверял их глазами» (23, 81).

Рост мысли героя позволил Николаевой более успешно — опираясь на толстовские традиции — представить имманентность его психологических переживаний. Когда она писала: «Напряженная, но подспудная работа Бахирева была не видна никому...» (21, 9), то это могло остаться только авторской декларацией, каких можно найти немало в упоминавшихся книгах Ажаева, Гранина, Рыбакова и других. Но вот перед нами попытка иного рода, внимательно прочтем следующий внутренний монолог Бахирева.

«Все здесь, как во времена «НАТИКа», — думал он. — Вот оно, единство противоположностей! Поточное — массовое производство — самое прогрессивное, но оно и самое консервативное в условиях недостаточной массовости. Предположим, к примеру, что при данной массовости дорожная оснастка сработается за десять лет. Что это значит? Это значит, что все десять лет придется дорожить ею и бояться всяких изменений в ней. Она будет тормозить развитие. Но если увеличить выпуск в десять раз? Тогда оснастка сработается не в десять лет, а в один год... У поточного производства есть свой хвост — максимальная массовость. Возможно добиться ее здесь? Да, да, да! Моторы передать специализированным заводам. Освободившиеся площади и мощности — на расширение производства! Но это решает Госплан... «Госплан, Госплан, яви свое могущество!» Проплывал мостовой кран и сверху, перекрывая цеховой грохот, властно и требовательно неслись отрывистые звуки его колокола: «Дон!...» «Дон!...» «Дайте дорогу! Дайте дорогу!» — по привычке перевел Бахирев. Он любил этот короткий, как приказ, звук, что рождался вверху, все устранив с пути, и, как удар ножа, рассекая заводскую разногласицу. Этот звук был сродни сердцу Бахирева...

«Дайте дорогу! Дайте дорогу!» — просили чугун и сталь, литье иковки, узлы и детали. «Дайте дорогу! Дайте дорогу!» — просило всё производство голосами мостовых кранов. Сагуров молчал, дивясь словам и виду главного инженера. Тот стоял в странной неподвижности, приподняв голову, шевеля губами. Кран проплывал над ним, распластав крылья. Отсветы металла, лившегося из ближней вагранки, ползли по закоптелому потному лицу Бахирева. Он повернулся к Сагурову, широким жестом указал на окружающее, и начальник цеха услышал странные, насыщенные горечью, иронией, страстью и похожие на мольбу слова главного инженера: «Госплан, Госплан, яви свое могущество!...» (22, 59—60).

Что здесь примечательно? Бахирев, следуя своему ходу мысли, действует с первого взгляда несообразно с обстановкой. Тем самым подчеркивается независимость течения его переживаний от данных конкретных обстоятельств и специально указывается на наличие глубокого внутреннего движения. Такого мы не встретим в «Искателях» или «Журбинных». Использовать подобный тип психологического анализа стало возможным благодаря тому, что мысль героя в каждый отдельный момент питается большим историческим содержанием, руководствуется государственными целями.

Говоря об определенных достижениях Николаевой, Панферова и Гранина в раскрытии душевной энергии современника, нельзя, конечно, проходить мимо недостатков. Писателям в ряде случаев не удается избежать некоторой рационалистичности и схематизма при изображении тонких переживаний, незаметных переходов и переливов чувств. И всё же достижения авторов «Раздумья», «После свадьбы» и, в особенности, «Битвы в пути» несомненны. В жанре «производственного романа», из

которого выросла книга Николаевой, еще, по нашему мнению, никому не удавалось так психологически подробно и убедительно раскрыть диалектику мысли и души человека, своим трудом строящего коммунизм. В этом смысле можно говорить об определенном развитии горьковского типа психологического анализа — «диалектики души как диалектики борьбы за коммунизм».

Вильнюсский Гос. университет им. В. Капсукаса
Кафедра русской литературы

Поступило
в ноябре 1963 г.

**SIELOS DIALEKTIKA
KAIP KOVOS UŽ KOMUNIZMĄ DIALEKTIKA**

(Pastabos apie šeštojo dešimtmečio antrosios pusės rusų tarybinio romano meninį savitumą)

P. IVINSKIS

R e z i u m ė

Straipsnyje teigiama, jog šeštojo dešimtmečio antrosios pusės romanuose pastebimai daugiau dėmesio skiriama tam, kuriomis meninėmis priemonėmis atvaizduoti tarybinio žmogaus dvasinį aktyvumą, atskleisti jo veiksmingą sąmonę, ypač „sielos dialektiką“.

Nurodoma, kad romanistai, laiko konfliktus rodydami kaip veiksmingos ir pasyvios sąmonės susidūrimą, paveikslo vertinimo kriterijum daro psichologinį procesą. Pagrindine dvasinės energijos atskleidimo forma tampa „sielos dialektika — kovos už komunizmą dialektika“.

Didesnėje darbo dalyje mėginama apibūdinti šios psichologinės analizės formą tų metų antrosios pusės romanų, daugiausia G. Nikolajevos „Grumtynės žygyje“. Sujungus geriausių praeities tarybinių rašytojų sukurtų herojų revoliucinės minties aukštumą, ko trūko pokario knygoms apie darbo žmones, su „gamybinių romanų“ autorių pasiekimais, atskleidžiant kūrybos psichologiją, sugebėta parodyti herojo minčių bei jausmų, nukreiptų į aplinkinio pasaulio pertvarkymą, eigą, kaip nepertraukiamą, giliai vidujinį ir savaeigį procesą.
